

МОДУСЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Социум:

Традиции. Интенции. Тенденции

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ В НАУКЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ.
К ТИПОЛОГИИ МЕНТАЛЬНОСТИ.

Статья 2

А.П. ДАВЫДОВ

Предлагаемая статья является продолжением статьи «Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности. Статья 1» (Философские науки. 2016. № 3). В первой статье я гипотетически описал менталитет современного человека через наличие в нем трех социокультурных типов, трех способов мыслить: родовый индивид, осевой логоцентр и личность, которые одновременно находятся в нашем сознании. Однако эти типы, взятые из истории культуры так, как они мною описаны, сегодня в чистом виде практически не встречаются. В данной статье я делаю следующий шаг – пытаюсь приблизиться к реальной картине, смешивая эти типы и я пытаюсь далее проникнуть в структуру их менталитета.

Тип «недо-» – «пере-»

В Лондоне мужчина с мачете порезал пассажиров метро с криками «За Сирию»

([Lenta.ru](http://lenta.ru) 6 декабря 2015 г.//<http://lenta.ru/>)

Русский боевик ИГИЛ Анатолий Землянка отрезает голову русскому чеченцу... угрожая российскому президенту...
(<http://inosmi.ru/politic/20151203/234677356.html>)

Вечером 31 декабря 2015 г. на площади перед центральным железнодорожным вокзалом и у Кельнского собора собралось около тысячи мужчин, в основном выходцев из Северной Африки и арабских стран. Разбившись на группы по несколько десятков человек, они окружали женщин плотным кольцом, выкрикивая оскорбления и угрозы в их адрес, а также физически нападая на них.

(http://www.bbc.com/russian/international/2016/01/160111_cologne_attackers_migrant_origin Первоочередным мотивом... были сексуальные уголовные преступления
// <http://www.rg.ru/2016/01/07/politsia-site-anons.html>)

Террорист мыслит крайностями по формуле «черный – белый», «друг – враг», «либо – либо», доводя следование каждому из полюсов до предела, до абсолюта, интерпретируемого этически и метафизически.

Такое движение, когда полюса в изменившихся условиях мгновенно меняются местами — инверсия, характерная для осевого, логоцентрического мышления. Инверсионная доминанта в мышлении создала осевую культурную эпоху, формируя империи, вождей и народ, либо беззаветно следующий за своим лидером, либо свергающий его, чтобы возвести на престол нового. В XXI в. инверсия произвела новое явление — массовую культуру, субъектом которой является логоцентрик-террорист-смертник. Что такое инверсия в логике мышления логоцентрика-террориста?

Инверсия — сложный процесс. Я рассмотрю лишь один вариант структуры инверсионного мышления.

Логоцентрик-террорист в условиях потери своих системообразующих оснований и в поиске новых ресурсов природнения к духовному Абсолюту и его земным эманациям, все время «перебарщивает». Почему? Разве нельзя в патриотическом, религиозном и т.д. порыве или в служебном рвении просто заявить о своей верности Богу, Аллаху, авторитарному вождю — «отцу родному» и соборному «народу», которые «всегда правы»? Разве нельзя в стремлении к свободе, вере, любви, красоте, справедливости просто сказать о своей преданности идеалу, пусть и сопровождая свои высказывания восклицательными знаками? Оказывается, нельзя. Недостаточно. Надо обязательно «переборщить», «пересолить», например, публично перерезать горло пассажиру лондонского метро, открыто насилловать кельских женщин, либо отрезая перед видеокамерой голову пленному, посылать проклятья в адрес руководителей Запада и России, т.е. прилепиться к абсолюту так, чтобы Он (духовный Абсолют) поверил в твою абсолютную преданность абсолютно.

Что для этого надо сделать? Надо достичь эффекта «пере-» (гипер). Нужны гиперпреданность, гиперодержимость, гипертосторг, гипертотчаяние, гиперстрадание, нужно отключить *ratio* и включить гипертотпадение от своего рационального Я вплоть до отказа от своей личности, до маразма — до тотального равнодушия либо до преступления.

Это «пере-», или гипер-инверсия. Ее анализировал в свое время Ф.М. Достоевский на материале русской культуры в «Двойнике», «Письмах из подполья», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых». Сегодня у нас появился новый материал для анализа этого глубоко архаичного явления в условиях, когда родовая архаика (террористическая деятельность ИГИЛ, в состав которой входят и русские террористы) сталкивается с гуманизмом личности в межцивилизационном конфликте.

Желание понять, откуда это «пере-» берется в русском менталитете, заставило меня обратиться к статье М.Н. Эпштейна «Недо- как понятие и культурный символ»¹. Автор исследует лингвистическую и культурологическую сущность приставки «недо-» в русском языке. Оценка автором культурного содержания «недо-» исходит из структуры русского языка, моя культурологическая оценка «недо-» иная — она исходит из первич-

ности инверсионной логики мышления русского человека. Водрузив приставку «недо-» на смысл двухполюсной инверсионной доминанты как на основание русской культуры, я получил то, что мне нужно — движение менталитета от плохого «недо-» к ужасному «пере-» как глубинную динамику русской культурной архаики в борьбе за выживание. И положил эту специфику в основание своего анализа терроризма.

Логоцентризм в условиях динамично развивающейся и быстро усложняющейся гуманистической культуры теряется — **недо**анализирует ситуацию, **недо**оценивает сложившееся положение, **недо**помощает себя в возникшее отношение «Я — Ты», **недо**понимает смысл себя в возникшей «сфере между» ним и миром. Он **недо**рационален, **недо**позитивен, **недо**адекватен. Почему? Он **недо**сложился как субъект цивилизационного развития, **недо**сформировался как личность, он несет в себе **недо**зрелое социальное. Стереотип «недо-» и порождает низкую самооценку человека, и отражает момент его самоуничтожения, его цивилизационную **недо**завершенность. Какой механизм работает в его менталитете? Инверсионный инструмент «недо-».

Что это за инструмент и из какой культурной специфики он взялся?

В мышлении осевого логоцентрика несомненно есть императив достижительности «до-», повелевающий ему, начав что-то, завершать начатое — **до**говаривать, **до**делывать, **до**биваться, **до**стигать, **до**страивать — иначе осевой логоцентризм не построил бы в течение многих веков такое множество империй, халифатов, каганатов и не рассматривал бы войну как одно из своих основных занятий. Но в гуманистическую эпоху, все более сталкиваясь с нарастающей антиимперскостью личности как новым социальным всеобщим, в структуре мышления логоцентрика одновременно начинает работать и противоположный императив — «не-», прагматично останавливающий его достигательные имперские амбиции и следовательно повелевающий ему, начав строить что-то (например, империю), не завершать: **не**доделывать это, **не**добиваться этого, **не**достигать, **не**достраивать, т.е. внутренне признать свою **не**способность достичь, но чтобы внешне акт отказа от деятельности выглядел как форма ее завершения.

«Не» логоцентрика в его идеализации — это его превращенное «до».

Довести до логического конца имперскую политику — значит покорить мир, превратив всех людей в рабов Покорителя мира — в служителей духовному Абсолюту. Это было практически невозможно даже в осевую эпоху. Это стало тем более невозможно в гуманистическую эпоху. Ни Гитлер, ни Сталин, ни другие логоцентрические вожди XX в. не могли решить этой задачи.

Но сопротивление гуманистической личности логоцентризму — лишь внешний и, следовательно, не главный фактор, он лишь катализирует внутренний фактор, основной, мифоритуальное мышление логоцентрика, унаследованное им из седой гностической древности. Именно мифологическое мышление как спасение резко активизируется в мышлении логоцентрика, когда он чувствует, что из-за сопротивления личности не

может завершить начатое, что в новых условиях он не только не может, но, оказывается, уже и не хочет его завершать. Наступает отчаяние. Отчаяние порождает кризис. И тогда строящий империю, но уже саморазрушающийся логоцентрик «хватается за соломинку» — становится террористом, чтобы его оппонент-личность, парализованная Страхом, потеряла способность жить — публично отрезает головы пленным, насилует женщин, выходит в метро с оружием. Зачем он это делает? Разве он не понимает, что его стратегия проигрышна и что он проиграл? Он погружается в террор именно потому, что понимает. Он мстит. Кому? Не столько убиваемым и унижаемым им людям, сколько себе — своей неспособностью измениться, чтобы жить в мире личности, стать личностью. Быть личностью в быстро усложняющемся мире трудно, быть террористом легче, проще — думать не надо, изменяться не надо. Террор мусульманского логоцентрика — это сознательный акт его самоубийства («не»), но выглядящий как доведение до конца его стратегии («до»). Физическое самоубийство террориста через джихадизм либо его символическое самоубийство через уничтожение неправильных памятников культуры или отрезание голов пленникам — это слияние с Всеблагом и через него достижение «всего во всем». Мусульманский логоцентрик (и не только мусульманский, любой истовый общинник — почитайте «Тараса Бульбу» Гоголя или «Как закалялась сталь» Н. Островского) заявляет, что он не боится смерти. Он боится. Но еще больше он боится другого — «потерять лицо» перед родичами, общиной, перед своим общинным Патриархом — духовным Абсолютом, как бы он ни трактовался.

Из сложения «не-» и «до-», из необходимости, делая, доделывать до конца и одновременно не делать, потому что возникает понимание, что доделать до конца невозможно, возникает «недо-». Этот оксюморон несет внутреннюю инверсию, двигает логоцентрика вперед и одновременно толкает назад, заставляя его решительно желать результатов своей деятельности и одновременно на полпути бессильно остановиться, беспомощно «застрять» и, став террористом, перейти к немотивированному на первый взгляд «пере» — ИГИЛовским отрезаниям голов, сталинским расстрелам «врагов народа», гитлеровской тактике холокоста, «выжженной земли» и т.д. Кровавый террор является шизофренической попыткой неадекватной соборно-авторитарной деятельности в ее милитаристской форме («до») и шизофренической же попыткой устранить возникшую неадекватность в милитаристской форме («не»). Рвущееся вперед «до-» и охраняющее его «не-» вместе рожают «недо-» — все победно, шумно начатое и все позорно на полпути брошенное, недодуманное, недосказанное, недостроенное, недоделанное, кончающееся бессмысленным кровавым «пере» — мыльным пузырем, никчемностью, пустотой, нравственной катастрофой.

«Недо» — «пере» — древняя оппозиция стереотипов мышления/поведения, все еще доминирующая в архаичном менталитете, культуре. Подпольный человек Ф.М. Достоевского говорит о себе в терминах идеологии «недо-»: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сде-

латься: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым... ничего не мог ни начать, ни окончить»². И еще он говорит о себе в терминах идеологии «пере-»: «Ведь глуп человек, глуп феноменально... Я, например,нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того, ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!»³ Достоевский и его западные исследователи думали, что маразматическое и самоубийственное «недо-» — «пере-» это только русское, но, оказывается, не только. Это инверсионное движение мысли, психики, эмоциональных настроек человека от одного полюса/абсолюта к другому и обратно, это основание его инверсионного рывка от недооценки себя как неполноценного, «нищего духом», «убогого», «маленького», «твари дрожащей» к переоценке, вознесению себя как всеильного, чудо-богатыря, сверхчеловека, способного поднять дубину народной войны, революции, от самоуниженности к самовозвеличиванию в героическом, революционном, жертвенном порыве, от самоуничужения к гиперкомпенсации, от ничто к всё, от одного абсолюта к другому противоположному, т.е. от одной формы своей неадекватности и саморазрушения к другой, еще более сильной, еще более неадекватной и разрушительной.

Куда же девается личность логоцентрика-террориста в актах «недо» и «пере»? От своей личности он отказывается. Он передает ее привычке мыслить инверсионно, укрывает свое Я в уютных родовых крайностях и предается воле рока. Главное, он признает, что искать меру во всем на основе своего творческого и рационального Я, т.е. быть адекватным быстро усложняющемуся миру, он не способен. Плененный инверсионной доминантой в служении своему духовному Абсолюту и его земным эманациям по схеме «либо все — либо ничего», он не способен жить.

Осевой логоцентрик и личность в условиях модернизации: что мешает диалогу?

Структура осевого (логоцентрического) менталитета жестко двухполюсна. Ее можно назвать соборно-авторитарной, вертикальной, манихейской, гностической⁴. На вершине вертикали располагается духовный Абсолют, предъявляющий спрос на соборность, у подножья вертикали — соборная народная масса, предъявляющая спрос на авторитарность. Эта двухполюсная культура сформировалась еще в палеолите и в своем осевом варианте расцвела в мировых религиях. Ислам — идейный пик двухполюсности и, следовательно, логоцентризма — как культурно-религиозный феномен сложился в VI в. (Мухаммад) и с тех пор почти не изменился. Отсюда различия в культурных основаниях, в

структуре менталитета, различные генеральные цели и алгоритмы мышления — основные препятствия для диалога личности и логоцентрика.

1. Алгоритм мышления мигранта-логоцентрика ориентирован на выживание; он ищет дополнительные ресурсы выживания во внешней среде, чтобы сохранить себя неизменного, сохранить свои культурные основания. Алгоритм мышления европейского человека-личности ориентирован на саморазвитие; личность ищет дополнительные ресурсы саморазвития в самой себе, чтобы научиться изменяться, в том числе и в своих культурных основаниях. Таким образом, в феномене азиатской логоцентрической миграции в личностную Европу сталкиваются два способа воспроизводства культуры — социальное всеобщее как статика и социальное всеобщее как динамика, двухполюсность и трехполюсность менталитетов, двухполюсная инверсия, пропитанная гностицизмом, и трехполюсная медиация, отвергающая инверсию и гнозис.

2. Азиатский логоцентрик, столкнувшись с европейской культурой личности, с удовольствием пользуется правами и свободами, которые предоставляет эта культура. Но свободы без ответственности не бывает. Свободу логоцентрик с жадностью берет, а ответственность нести не хочет. От какой ответственности он отказывается? Обобщенно говоря, обязанность, которую европейская личность добровольно на себя возлагает — это обязанность перед собой и гражданским обществом защищать способность самой устанавливать меру своей свободы от стереотипов исторически сложившейся родовой, логоцентрической культуры, т.е. защищать свою срединоспособность и срединоспособность общества, в котором живет. Такая обязанность/ответственность логоцентрику-мигранту не нужна. Но из инокультурности происходит не только паразитическая сущность логоцентрика — родового мигранта, массово вторгшегося в индивидуалистические социальные отношения личности.

3. Почему для азиатского логоцентрика европейская цивилизация — не меньше, чем Мировое зло? Потому что третий, медиационный полюс личности — его главный враг. Потому что логоцентрик, если его с детства не воспитать личностью, не способен в зрелом возрасте ею стать. Из этой неспособности — месть логоцентрика. Не европейцу, а медиации — за то, что она с европейцем, а не с ним. Убивая европейца, он убивает не столько человека, сколько медиацию, вторгающуюся в «сферу между» Абсолютом и человеком, и способность изменяться в этой сфере, формируя новые синтезы. Но «сфера между», в которой происходят ментальные сдвиги, табуирована логоцентриком, не подвластна ему — отсюда его бессмысленная на первый взгляд жестокость.

Можно ли найти общее основание для диалога между логоцентриком и личностью?

Когда я говорю о конфликте и возможности диалога между логоцентриком и личностью, я имею в виду встречу противоположных доминант

в менталитете одного человека, либо различных доминант в менталитетах групп, политических партий. Таким образом, я говорю и о внутреннем диалоге – между логоцентрическими и личностными ценностями, и о диалоге внешнем – между социальными группами, партиями и т.д. Это общий принцип моих рассуждений. Итак, можно ли?

Да, можно. Таким основанием на раннем этапе социальной динамики логоцентрика и личности может стать общее понимание ими того, что в условиях нарастающей угрозы катастрофы выживать надо и логоцентрику, и личности, подчеркиваю: не развиваться, а выживать. К развитию они относятся по-разному, а выживать вполне могут вместе. И логоцентрик, и личность в условиях нарастания угрозы гибели обоих (гибели культуры, к которой они принадлежат) могут увидеть общего врага в своем мифоритуальном мышлении и в какой-то степени отказаться от наиболее одиозных мифов с позиции первоценности рационализма и прагматики. Личность способна бороться против мифологии и ритуалов в своем и общественном сознании более радикально, чем логоцентрик, но и логоцентрик может быть готов избавиться от излишнего груза мифов в критических условиях. Эта борьба с общим противником в себе на каком-то этапе социальной динамики может стать формой межцивилизационного диалога и политической солидарности в обществе. Культурным основанием такого диалога может стать доверие к медиации как к критике полярных мифов, связанных с духовным Абсолютом и его эманациями в культуре, обществе, и к поиску альтернативных им прагматических смыслов.

Социокультурные гибриды

Однако чистых родовых индивидов, осевых логоцентриков и личностей не бывает. Вихревое социокультурное развитие уничтожает чистые социокультурные типы и создает гибриды. Какие?

Родовой (мифоритуальный) логоцентрик. Этот гибрид из родового индивида и осевого логоцентрика образовался по нескольким причинам. Во-первых, эти типы роднит мифологическое мышление. Во-вторых, новые исторические условия заставляют даже самые отсталые страны формировать современные осевые институты, иногда в демократической интерпретации. И родовой мифоритуальный индивид – носитель патриархально-общинного мышления вынужден адаптироваться к осевым, логоцентрическим институтам. Он вынужден либо принимать в них участие, либо как минимум реагировать на их деятельность. Не изменяя своей однополюсной гностической сущности, он вместе с тем поневоле интегрируется в двухполюсную осевую систему и становится гибридом с двумя идентичностями – логоцентрической/двухполюсной и мифоритуальной/однополюсной. Через первую он развивается, через вторую – выживает. В зависимости от ситуации он осмысливает свое Я через оппозицию «однополюсное мышление – двухполюсное мышление» и выступает то

в одной идентичности, то в другой. Отсюда три специфические модели социального поведения этого многоликого гибрида.

А. Активная модель социального поведения. Родившийся в родовой культуре, но функционирующий в логоцентрической, мифоритуальный логоцентрик создает очередной миф. Тотемизируя обожествляемого им субъекта и передавая ему свою субъективность, он безоговорочно голосует «за», через механизм «все во всем» «патриотично» растворяясь и снимая все возможные противоречия. Природняясь к субъекту, которому он дал клятву личной преданности и пытаясь на этом основании стать избранным, «святым», он стремится стать «святее папы римского» — последовательнее самого логоцентрического логоцентрика. Для него голосование за своего кумира есть акт экстатичного растворения себя в избраннике как в спасителе, акт слияния с Всеблагом и образом всего во всем. В его активном поведении господствует однополюсная доминанта.

Однако принимая участие в процедуре голосования, мифоритуальный субъект неизбежно интегрируется в двухполюсную политическую систему. Выбирая, он входит в «сферу между» тем, за кого голосует и всеми остальными. Вторая область выбора — между собой и своим избранником. Он взвешивает его достоинства и недостатки, примеряет их к своим требованиям и принимает решение. Третья область выбора — между принятием участия в выборах и игнорированием их. Принимая активное участие в выборах, он демонстрирует свою двухполюсную идентичность. Тем не менее в акте выбора его мышление лишь формально двухполюсно. Он — по-прежнему субъект эмоционального мышления. Его двухполюсность не последовательна, он подчиняется не столько своему ratio и гражданственности, сколько своей традиции мыслить эмоциями, биологическими инстинктами и мифами, он выбирает, не выбирая. Двухполюсность для него — лишь форма, удобный способ жить однополюсно.

В. Пассивная модель социального поведения. Она появляется, когда мифоритуального индивида не устраивают ни кандидатуры, за которые ему предлагают голосовать, ни сами выборы. Альтернативы у него нет, так как он чувствителен только к тем противоречиям, которые ему навязывает общественное мнение, а сам сформировать противоречие не в состоянии. В условиях тупика, который он сам для себя создал, он становится пассивным, уходит от необходимости выбора, например, не идет голосовать: «Все равно они сделают, как им надо». Прячется от жизни в себе: в своем «углу», «норке», «щелочке», «подполье», в своем локализме, в своем «недо-», в равнодушии ко всему, как таракан за печкой (любимые образы Ф.М. Достоевского при описании мифоритуального сознания русского интеллигента), сам акт растворения в своей изоляции от мира воспринимая как спасение, как Всеблаго и синкретическое «все во всем». Он отвергает сотрудничество с вертикальной структурой логоцентризма и прячется в доосевом времени, в

своей родовой однополюсной идентичности, которую хранит как спасение в своем бессознательном. Недо-мышление пассивного родового логоцентрика классически однополюсно.

С. Гиперактивная, агрессивная модель социального поведения. Гиперактивность возникает, когда жизнь вокруг мифоритуального логоцентрика становится настолько сложной и динамичной, что так или иначе захватывает его. Он протестует. Как? Не участвует в этой динамике, осуждая ее. Осуждать получается, но не участвовать получается все меньше. Родовой логоцентрик обнаруживает, что и вокруг него, и в кругу его знакомых и в его детях, внуках, и в нем самом остается все меньше свободного пространства, которое он мог бы превратить в «угол», в «норку», где он мог бы отсидеться, отлежаться, удалиться от мира, «сошедшего с ума». И тогда наступает отчаяние, бунт и агрессивная гиперактивность — он начинает мстить миру, который лишил его всего. «Недо-» перерождается в «пере-» и появляется экстремист, террорист, фашист, джихадист. Не защитник прав человека, а воин-доброволец, агрессор, защитник соборно-авторитарной «народной/божьей правды», «истинного ислама», «истинного христианства», «арабского мира», «татарского мира», «чеченского мира», «русского мира» — бессмысленная война, бессмысленный захват территорий других стран, бессмысленное уничтожение памятников культурного наследия, бессмысленное отрезание голов заложникам и пленным, и еще более бессмысленное смертничество смертников. Все перечисленные формы бунта/гиперактивности — по существу формы самоубийства. Родовой логоцентрик начинает бунт двуполюсно, беззаветно служа своему духовному Абсолюту, но заканчивает всегда однополюсно — через самоубийство сливаясь с Всеблагом, видя в этом слиянии «все во всем» либо через понимание того, что жизнь прожита зря. По существу обе его идентичности — и двуполюсная («пере-»), и однополюсная («недо-») — приговаривают его к смерти.

Недосформированная личность (недо-личность). Родовой логоцентрик, как видим, многообразен. Не менее разнообразен и тип, который претендует на то, чтобы почувствовать себя личностью. Повторю, как я понимаю личность. Это тип, пытающийся выйти за рамки исторически сложившейся культуры и найти оптимальную меру выхода. Заявить о несогласии с культурными стереотипами не трудно, но предложить альтернативу, т.е. найти адекватную меру выхода из сложившейся культуры — всегда основная трудность. Недо-личность возникает, когда субъект, выходящий за рамки сложившейся культуры и заявивший о себе как о личности, не способен сформировать альтернативную программу ни для себя, ни для общества. Такой тип может демонстрировать три модели социального поведения.

А. Отвергая исторически сложившиеся абсолюты (символ Зла), человек партиципирует к новым (символу Добра). Абсолютизация новых смыс-

лов ведет к новым бедам. Примерно таким было социальное поведение русской интеллигенции, принявшей революцию в России. Красная армия никогда бы не смогла победить в Гражданской войне, если бы многие офицеры царской армии, поверив большевистским лозунгам, не перешли на сторону большевиков. Большинство из них были впоследствии расстреляны. В художественной литературе появилось целое направление – родились персонажи, которых можно назвать предреволюционерами, «уродами». Марк Гончарова, Базаров Тургенева, персонажи последних тургеневских романов «Дым» и «Новь», босяки Горького – все они призывали революцию. Появились выдающиеся поэты, которые воспевали революцию, советскую власть – Блок, Есенин, Маяковский, Горький. Сталин назвал Маяковского лучшим поэтом советской эпохи. Все эти певцы революционной бури, советских преобразований потом разочаровались в новых идеалах и плохо кончили. Гумилев, Мандельштам – были расстреляны. А.Н. Толстой в последних произведениях полностью утратил ценностную ориентацию.

Опыт России показал, что попытка личности, отказавшись от старых абсолютов, заменить их новыми, подавляет медиационное начало в ней, губит ее как личность. Возникает недо-личность как недо-сформировавшаяся личность. Ее недосформированность происходит из родовой культуры и из недостатка опыта формирования личности в себе. Этот опыт нарабатывается через неудачи, катастрофы, жертвы и одновременно через повышение способности к диалогу.

В. Отвергая исторически сложившиеся смыслы, человек не способен создать новые. Возникает феномен «ни то, ни сёйной» (Гоголь) личности. Обобщающий пример – пушкинский Онегин. Его не устроила жизнь ни в свете, ни в деревне, ни в слиянии с природой, ни в попытках проведения социальных реформ в своем поместье, не нашел он себя ни в чтении, ни в дружбе, ни в любви, ни в одиночестве. Основанием этой неудовлетворенности была способность к критике стереотипов культуры, господствующих в обществе. Критика была, не было самокритики. Не было медиационного начала. Отсюда неспособность окончательно порвать с критикуемой им культурой и сформировать личностную альтернативу ей в себе. «От своих ушел, к чужим не пришел», – говорит об обобщающей силе образа «застрявшего» Онегина Ф.М. Достоевский. С Пушкина начался в русской литературе тип персонажей, не способных к медиации – Пленник, Онегин, Печорин, Рудин, Обломов, подпольный человек. «Застрявшая культура», «лежачий камень», «болото», «химера» – вот характеристики, которые дают этому типу культуры российские социологи. Эти образы недо-личности – свидетельства неспособности, слабой способности русского человека стать личностью, свидетельства его культурной неудачи.

С. Творческое (инновационное) социальное поведение. Критикуя абсолюты традиционной культуры, человек формирует новые социальные

смыслы на своем собственном основании. Так рождаются инновации, так рождается личность и так рождаются новые социокультурные доминанты. Но медиационная личность жить в России не может. Этот вывод делают М. Лермонтов в «Демоне», М. Булгаков в «Мастере и Маргарите», М. Шолохов в «Тихом Доне», В. Высоцкий в своих песнях, В. Пелевин в своих романах. Основной конфликт и в реальной жизни в России, и в русской литературе один и тот же — между становящейся личностью и соборно-авторитарными социальными отношениями.

Я вывел пять социокультурных/социоментальных типов. Три базовых типа: родовой индивид, осевой логоцентрик, личность. И два промежуточных, смешанных: мифоритуальный логоцентрик и недосформировавшаяся личность (недо-личность). Все пять могли бы быть реальными объектами социокультурного анализа. Центральным при таком исследовании является вопрос: «Как изучать медиацию?»

Как изучать медиацию?

- 1) медиация изучается через ментальную способность личности выйти за рамки исторически сложившейся культуры;
- 2) через определение ценностного основания выхода за эти рамки и структуры этого основания;
- 3) через определение меры выхода (шага новизны) и ее связи с основанием выхода;
- 4) через выявление внутренней структуры медиации и того, как она взаимоотноакивается/взаимопроникает со своими антагонистами — инверсией и гнозисом; через выявление неоднозначного характера медиационного процесса — он может быть плодотворным, но может оказаться и разрушительным — и беспощадное понимание того, что альтернативы медиации нет;
- 5) пятая часть проблемы — вся проблематика изучения третьего смысла должна опираться на количественные социокультурные измерения. Российская социология (А.В. Тихонов) пыталась создать такую методологию на конференции по управлению в 2014 г. Но сразу такие методологии не создаются.

Какой результат мы хотим получить от изучения медиации? Нам надо нащупать творческий потенциал личности, меры ее способности расчленять синкрезисы и изменяться: 1) для ведения диалога с логоцентриком и 2) для изучения своей способности к развитию. Прямо указать на такой потенциал пока невозможно. Это можно будет сделать лишь после неоднократных обобщений получаемых социологами результатов. Но можно указать на некоторые области рефлексии, в которых можно строить социокультурные измерения.

Изучать способность, механизм, логику перехода утилитаризма от обслуживания соборно-авторитарных отношений к обслуживанию либерально-демократических, гражданских отношений (А. Ахиезер, Е. Яркова).

Изучать способность управления опираться на механизмы самоорганизации и самоуправления. Отсюда активизация проблематики персонализма малых групп (Э. Мунье, А. Тихонов, В. Розин, Л. Голубкова и др.). Одновременно надо обратить внимание на опыт Японии и других стран Азии в области формирования на своих предприятиях большесемейных отношений, но действующих по законам рынка.

Изучать либерально-демократические сдвиги в мировых религиях, чтобы понять, как менялся логоцентризм на протяжении столетий. Важно, например, научиться различать два ислама: либерально-демократический и фундаменталистский. Этой работой давно занимается ЮНЕСКО, которая с 60-х гг. XX в. проводит обучающие семинары в мусульманских странах и организует большое количество научных исследований, нацеленных на обоснование и рекламирование либеральных реформ в странах ислама и либеральных достижений этих стран в экономике и финансах. Другими словами, надо работать над ассимиляцией логоцентрика (желательно с детства) в культуру личности. Но одновременно личности надо научиться разговаривать с варварами языком варваров (А. Пелипенко).

Надо осознать, что медиационный процесс в XXI в. существенно отличается от медиационных процессов в предшествующие века. С.А. Кравченко, обобщивший материалы европейских и всемирных социологических конгрессов двухтысячных годов, наглядно показал, что в смысловом пространстве, свободном от засилья авторитарного и соборного полюсов, быстро развиваются качественно новые сложные социокультурные формы, которые я вполне могу отнести к медиационным. Какие?

Нарастает усложнение и нелинейность социокультурной динамики современного социума, в нем появляются не один, а несколько стержней развития; «логоцентризм под натиском новых рефлексий сдает свои позиции»; появляются «небывалые ранее потоки мигрантов как ответная реакция локального социума на последствия глобализации», значительную часть новой мобильности составляют «новые бродяги», такие, например, как прекариат, кидалты, инфантилы и др.; повышается «социальная турбулентность» общества, риски, уязвимость, эмерджентность; «людям приходится учиться жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных традиций и авторитетов»... «научное знание не только быстро устаревает, но и качественно усложняется его динамика»; «человечество в целом обретает облик неравного и несправедливого мира», «наверху оказывается тот, кто имеет возможность создавать риск, конструировать и определять его смысл» и т.д.⁵. Такова нелинейная природа медиационных процессов, на которые обратили внимание международные социологические конгрессы.

Но эта нелинейность ничуть не противоречит генеральной линейности эволюции культуры — от рода к личности, от мифоритуальности и логоцентризма к медиации.

Что я предлагаю?

В двух статьях о социокультурных типах изложено предложение о дополнении материалистического, в значительной степени все еще марксистско-веберовского, подхода к изучению общества, популярного в российской социологии, но сегодня в условиях нарастающего конфликта между мифоритуальным индивидом/логоцентриком и личностью теряющего свой объяснительный потенциал, социокультурным. В основе предлагаемого дополнения лежит ряд представлений.

1. Представление об однополюсной, двухполюсной и трехполюсной структуре ментальности человека.

2. Представление о трех типах социального субъекта – носителя этой ментальности: о родовом индивиде (патриархальная семья, род, община), осевом логоцентрике (государство) и личности (гражданское общество).

3. Представление о трехстадиальности динамики ментальных типов (ментальных доминант): гнозис (гностицизм), нечувствительный к логическим противоречиям; инверсия как полярное монологичное мышление; и медиация, формирующая и преодолевающая дуальность как абсолют через способность личности к формированию третьих смыслов.

4. Представление о трех типах субъекта права и правовой практики: родовой обычай (мифоритуальный индивид), институт патриархального права (логоцентрик) и институт частного права (личность).

5. Представление о том, что чистых мифоритуальных индивидов, логоцентриков и личностей не бывает, какой-то тип способности человека принимать решения доминирует, в различных ситуациях он может проявляться по-разному, и социологически классифицировать человека надо через его ментальную доминанту.

6. Представление о том, что логоцентризм опирается на рентную экономику, патриархальное право и политическую систему, в которой все ее части «являются зеркальными отражениями диктаторской вертикали» (З. Бауман).

7. Представление о медиации как анализе через логику раздвоения единого (Гегель) и выделения смысла предметности из исторически сложившегося смысла предмета, формулируя первый и «оставляя за скобками» (Гуссерль) смысл второго. Основанием раздвоения единого является смысл личности как потенциальное или реальное основание нарождающейся культуры. Каждый из получаемых в результате раздвоения предметных смыслов является синтезом.

8. Представление о медиации как о синтезе. Чего с чем? Полученного нового предметного смысла со смыслом личности – со смыслом поиска личностью новой меры своей независимости от исторически сложившейся культуры. Через медиационный процесс возникает «сетевой принцип» формирования «человеческого капитала» как «взаиморазвитие и взаимодополнение всех его составляющих» (С.А. Кравченко).

9. Представление о медиации как о диалоге между старым и новым, простотой и сложностью, культурной традицией и социальной инновацией.

10. Осмысление реформационного процесса как процесса медиационного (критического, диалогичного, инновационного, личностного, гражданского), альтернативного абсолютности полюсов соборно-авторитарной вертикали.

11. Почему я предлагаю не заменить экономический подход на социокультурный, а дополнить один другим? Потому что считаю, что достижение социальных гарантий (безопасности и среднего прожиточного уровня) является важной предварительной ступенью формирования способности человека измениться. Добившись социальных гарантий, человек получает реальную возможность думать о том, как эффективнее реализовать свою способность к творческой личностной самоактуализации (можно использовать термин Маслоу, но не его пирамиду).

12. Итак: не заменить, а дополнить. Но ядро социокультурного подхода в любом случае должно заключаться в изучении ментального диалога между культурным и социальным в социокультурной «сфере между», потому что если для *выживания* человека (культурное) главное — это безопасность и экономика, то для *развития* человеческого в человеке (социальное, социокультурное) важны уровень свободы человека и его способность принимать новые решения, т.е. изменить свои цели и потребности, изменить мораль, «изменить мозги». А как? Через медиацию. Другого пути не вижу.

13. Предлагаемая медиационная аналитическая схема претендует на то, чтобы выступить как социокультурная модель гуманистического поворота в элитарном сознании России, потому что мои публикации, я надеюсь, доказали, что этой схемой интуитивно в разной степени и по-разному пользовались все великие писатели-аналитики русской культуры от Пушкина до Окуджавы, уверен — не только писатели.

Предлагаемая концепция (схема, модель) не претендует на всеобщность, а лишь на то, что в какой-то степени по новому (через социокультурное) объясняет специфику эволюции культуры в России. В еще меньшей степени она претендует на завершенность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпштейн М.Н. Недо- как понятие и культурный символ. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_nedo.html

² Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 5. — Л.: Наука, 1973. С. 100,109.

³ Там же. С. 113.

⁴ Давыдов А.П. Гнозис как «чистое знание» о потустороннем и русская культура (Размышления по прочтении книги И. Яковенко и А. Музыкантского) // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 85–95.

⁵ См.: Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. – М.: МГИМО, 2015. С. 297–310.

REFERENCES

Davydov A.P. Mentality of a Russian: Synthesis of Eastern and Western Beginnings under Conditions of Transit to Market. In: *Russia and Asian countries: a search of ways of renewal*. L.A. Anosova (ed.). Moscow, 1995, pp. 33-50 (in Russian).

Davydov A. Gnosis as a “Pure Knowledge” about the Other World and Russian Culture (Thinking on the Book of I. Yakovenko and A. Musikantski “Manikheistvo and Gnosticism: cultural codes of Russian civilization”). In: *Social Science and Contemporary World*. 2013. Vol. 2, pp. 85-95 (in Russian).

Kravchenko S.A. Sociological Knowledge through the Prism of the “Arrow of Time”: The Demand for Humanistic Turn. Moscow, Moscow State Institute of International Relations Publ., 2015. 342 p. (in Russian).

Epshtein M. Under- as a meaning and cultural symbol. Available at: http://www.emory.edu/INTELNET/es_nedo.html

Аннотация

Эта статья – продолжение статьи «Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности. Статья 1» (ФН. 2016. № 3). В предыдущей статье описаны базовые ментальные типы: родовый индивид, осевой логоцентрик и личность. Данная статья исследует смешанные ментальные типы: родовый логоцентрик и недо-личность, а также личность. Представлены способы социального поведения каждого из них. Предлагается схема изучения медиационных процессов.

Ключевые слова: родовый индивид, мифоритуальный логоцентрик, миф, личность, недо-личность, ментальный тип, инверсия, медиация.

Summary

This article is continuation of the article «Social and Cultural Types in Science of Society. To the Typology of Mentality. Article 2». The previous article described the basic mental types: clan individ, logocentric and person. This article studies mixed mental types: clan logocentric and under-person as well as person. It describes methods of social behavior of each of them and offeres a scheme of study of mediation processes.

Keywords: clan individ, mythos-ritual logocentric, myth, person, under-person, mental type, inversion, mediation.